

Содержание

Предисловие к русскому изданию	7
Предисловие.....	13

Часть I

ВСЕЛЕННАЯ МОНСТРОВ

1 Вселенная монстров	17
----------------------------	----

Часть II

РЕСПУБЛИКА ОБРАЗОВ

2 «Энциклопедия»	31
3 Комиссариат	53
4 Новая сеть	77
5 Визуальное обучение (I)	89
6 Визуальное обучение (II)	115

Часть III

ВПЕРЕД

7 Наши права	137
8 Наше общее достояние	155
9 Наша сеть	169
10 Наш архив	181
11 Наш момент	197

Coda.....	209
-----------	-----

Приложение	211
------------------	-----

Благодарности	225
---------------------	-----

Примечания	227
------------------	-----

Предисловие к русскому изданию

Я питаю особую любовь к русской литературе. Возможно, это у меня от отца. Он родился в Одессе, и, когда я был маленьким, в нашу квартиру на Парк-авеню в Нью-Йорке часто заглядывал кто-нибудь из его родных и друзей. Они говорили на мелодичном языке и дарили мне, ребенку, шоколад в обертке с русскими буквами, казавшимися магическими рунами из иного мира, далекого и почти утраченного. Сгинувшего.

Утраченного для отца. Но не для меня...

Сегодня я работаю в Массачусетском технологическом институте и занимаюсь созданием учебных видео- и онлайн-курсов. А еще я был одним из руководителей некоммерческой организации Read Russia, миссия которой — знакомить читателей с русской литературой в переводах. Эта организация была создана мной вместе с Владимиром Григорьевым лет десять назад и поддерживается Институтом перевода. С ее деятельностью можно ознакомиться в интернете и на книжных ярмарках по всему миру. Мы разработали логотип и основную идею, посыл — что-то вроде «Русская литература все исправит», — а потом занялись производством онлайн-видео. Можно сказать, что онлайн-видео — одна из главных тем моей книги. Таким образом мир прошлого сталкивается с миром будущего.

В свете вновь происходящего столкновения этих миров мне хотелось бы сказать несколько слов.

Эпоха Просвещения оставила особый след в истории России. Екатерина Великая спонсировала Дидро, одного из героев этой книги. Кроме того, она купила библиотеку Воль-

тера и перевезла ее — все 7000 томов вместе со многими его рукописями — в Санкт-Петербург, где собиралась построить точную копию дома Вольтера под Женовой, в Ферне. Императрица просила российских послов в Европе прислать ей изображение фасада здания и по возможности планировку: «Я непременно устрою Фернейский замок в Царскосельском парке. Мне надо знать также, какие комнаты выходят в замке на север и какие на юг, восток и запад. Также важно знать, видно ли Женевское озеро из окон замка и с какой стороны расположена гора Юра...»

В 1779 г. книги Вольтера довели по суше до Любека, а оттуда на нанятом Екатериной судне отправили в Санкт-Петербург. С тех пор они находятся там. На сайте Российской национальной библиотеки, в чьем ведении эти книги сегодня, написано, что с коллекцией ознакомился сам Пушкин, когда писал «Медного всадника» и собирал информацию о Петре Великом. Потрясающе! Можно представить, с каким удовольствием он погрузился во всю эту вольтериану.

«Есть закладки без текста (из подручного материала — игральные карты, записки, счетов, черновиков Вольтера и его секретарей, обрывков писем, газет, журналов, книг). В книгах встречаются загнутые верхние и нижние углы, иногда страницы сложены вдвое. Есть в книгах засушенные цветы, травинки и соломинки, также использованные в качестве своеобразных закладок»¹.

Современная Россия неразрывно связана с деятельностью переводчиков книг. Кто знает, сколько идей, которые помогли разжечь огонь революции и перемен, проникли в царскую Россию благодаря не только судну, пришедшему из Любека, но и благодаря переводам? А сколько идей, преобразовавших мир, вышли потом из России и Советского Союза? Перевод — в центре внимания «Нового Просвещения». Моя книга начи-

нается с описания жестокой казни переводчика. Этот человек, Уильям Тиндейл, всего лишь хотел переложить Библию на язык, понятный людям, чтобы они могли читать ее самостоятельно, а не зависели от представителей духовенства, которые каждое воскресенье в церкви зачитывали им плохо подобранные отрывки из намеренно неверно переведенного на латынь текста Библии. В «Преступлении и наказании» Соня читает Раскольникову Евангелие, историю воскрешения Лазаря, — но не на церковнославянском, а в одном из первых переводов на русский язык. Достоевский сам получил новый перевод Евангелия от жен декабристов в Тобольске, по дороге на каторгу. Нет необходимости говорить, что писатель понимал, какая революционная сила таится в самом акте перевода, какой властью он обладает!²

Возникшая на заре кинематографа новая эпоха Просвещения, которую я описываю на страницах книги, особенно близка России. Великие художники экрана Вертов, Кулешов и Эйзенштейн, наряду с Томасом Эдисоном, Вейчелом Линдсеем и другими героями пятой и шестой глав этой книги, одними из первых в мире признали силу кино. Поэты и писатели начала XX в. ходили на кинопоказы, любимый мной Александр Блок писал о «мурлыкающем нежно треске», доносящемся из кинопроектора. Многих русских символистов завораживала темная магия кино с его загадочными, мелькающими в дымном полумраке зала изображениями, в которых таилось столько обещаний — и вместе с тем столько нехороших предзнаменований. «Если кинематограф вызывал... первобытный страх перед миром теней, — писал историк, — то потому, что дореволюционная Россия была умирающим обществом, одержимым фантазиями о своей кончине»³. Боже правый!

Дальние родственники, покинувшие Россию вскоре после этой кончины, приходили к нам домой и дарили мне шоколад. Но тайным кодом мне представлялась не только кириллица на обертках. Некоторые из родственников, как и часть отцовских друзей, были связаны с другими загадками — физически, телесно: на руках у них виднелись вытатуированные сине-зеленой краской странные цифры и буквы, непонятные формулы из далеких мест и времен⁴. Я был ребенком. Лагеря смерти? Что такое «лагеря смерти»?

Немцы, толкнувшие столько миллионов людей в горнило ужаса, перед этим убедили целый народ принять лежавшую в основе нацистского геноцида идеологию, которую один историк назвал «галлюцинаторной». Все газеты, книги, радио и кино нацистской Германии, а также почти все ее культурные, образовательные и социальные институты пропагандировали «фантастический», «демонологический», «апокалиптический» и «психопатический» взгляд на мир и «моральную культуру», годами вкладывая эти идеи в головы шестидесяти пяти миллионам жителей Третьего рейха⁵. К 11 декабря 2020 г., когда я отправил англоязычную версию этой книги в печать, от COVID-19 погибло триста тысяч американцев. Сегодня сообщают уже о девятистах тысячах; в России зафиксировано триста тысяч жертв, а по всему миру — шесть миллионов⁶. Во многих из этих смертей повинны люди, намеренно публикующие ложную информацию о пандемии и вакцинах. Люди, отрицающие правду и распространяющие фейки, стали причиной и тех противоречий, что раскололи американское общество, волнений в Вашингтоне и столицах наших штатов.

В начале 1990-х гг., когда я часто (возможно, даже слишком часто) бывал в России, мои гостеприимные хозяева из изда-

тельства «Вагриус» недоумевали, почему я стремился проводить больше времени не у них, а в издательстве «Просвещение». Это государственный монополист в сфере школьной литературы и на тот момент самый крупный издательский дом в мире. Что я могу сказать? Тогда, как и сейчас, я был увлечен историей эпохи Просвещения и той ролью, которую образование и средства массовой информации способны сыграть в совершенствовании (или разложении) современного общества. Всемирный банк поручил мне написать доклад об индустрии учебной литературы и о том, как освободить ее от ярма тоталитарной системы. У истоков издательства «Просвещение» стояли Ленин и Луначарский (который как народный комиссар просвещения тоже кое-что понимал в кино)⁷. И сколько же дезинформации оно вложило в головы миллионам школьников — во имя воспитания нового советского человека!

Битва против лжи — и против любой доктрины, любого мировоззрения, предлагающего в качестве идеологии «фантастическую», «демонологическую», всеохватывающую неправду, — должна представляться особенно значимой людям, рожденным и живущим на территории бывшего Советского Союза. Обличительные речи Кристофера Хитченса, в которых он клеймил преступления католической церкви, преследовавшей Тиндейла, применимы также к советскому режиму, затравившему и убившему некоторых героев этой книги, в том числе моих главных кумиров — писателей⁸. Актуальны речи Хитченса и тогда, когда наши власти лгут и сажают в тюрьмы журналистов и людей, пытавшихся донести до общества правду. Наконец, это актуально, когда в разных странах правящие режимы отменяют культуры друг друга и винят государства и целые народы в том, что творят появляющиеся там порой отдельные монстры.

Как связаны между собой акты государственного терроризма и освобождение знания? Может ли свобода знания сыграть роль в решении проблем нашего мира? Еще как!⁹ Ответы на некоторые из «проклятых вопросов» есть в этой книге. А ответы на другие появятся в следующей.

* * *

Мир тесен, и мне приятно чувствовать связь с российскими читателями. Это издание посвящается Владимиру Григорьеву. Я благодарен Дарье Берёзко, Евгению Резниченко и Анастасии Корниенко, которые помогли выходу моей книги на русском языке. Спасибо также Павлу Подковову из «Альпины нон-фикшн» за решение выпустить ее в такое непростое время. Нет нужды говорить, что это также подарок моему папе — и он ему очень понравился бы!

Питер Кауфман
Кембридж, 9 октября 2023 г.

Предисловие

Эту книгу я начал писать больше десяти лет назад.

И сейчас, в разгар пандемии, заканчиваю.

Когда я начинал книгу, то мечтал о том, чтобы наши институты знания: университеты, библиотеки, музеи, архивы, СМИ — осознали, какая огромная власть сосредоточена в их руках, особенно сейчас, когда в их распоряжении есть интернет.

И хотел призвать их всех — всех нас — объединиться, чтобы воспользоваться своей властью и донести до общества подкрепленную доказательствами правду. Выкладывать знания онлайн. Делиться фактами в этом сошедшем с ума мире.

И вот я заканчиваю книгу — в то время как мир охвачен недугом, медицинским и информационным. Когда кремируют триста тысяч новых умерших.

Когда повсюду растет преступность. Когда безработных становится больше, чем в эпоху Великой депрессии. Когда по всему миру закрываются университеты, библиотеки, музеи, архивы и школы.

И все меньше людей способны отличить правду от вымысла.

Но тем не менее это книга надежды. Как в наши дни можно написать книгу надежды? Жан-Жак Руссо, мыслитель эпохи Просвещения, автор трактата «Об общественном договоре», в своих мемуарах заметил: «Если я хочу нарисовать весну — в действительности должна быть зима; если я хочу описать прекрасную местность — я должен сидеть в четырех стенах; и я сто раз говорил, что, если бы меня заключили в Бастилию, я создал бы там картину свободы»¹⁰.

Экраны и динамики все ожесточеннее конкурируют за наше внимание, ложная, вредоносная информация соблазняет нас всеми возможными способами, непредставимыми еще несколько лет назад. Пандемия дала нам стимул переосмыслить и изменить пути и формы распространения знания. К тому же мы живем в новое время, эпоху видео, что расширяет возможности свободомыслящих людей.

Будущее покажет, насколько успешно институты знания научатся работать с видео — и как распорядятся возложенной на них ответственностью.

*Питер Кауфман
Лейквилл, Коннектикут
11 декабря 2020 г.*

ЧАСТЬ I

Вселенная монстров

1

Вселенная монстров

Уильям Тиндейл, родившийся в 1494 г. и казненный в 1536 г., считал современные ему способы обмена информацией недостаточными и основанными на несправедливости. С неослабевающим рвением он искал способ сделать так, чтобы любой человек имел доступ к знанию и мог делиться им. Тиндейл взялся за беспрецедентный проект кодирования (не зря же мы говорим о «языках» компьютерного программирования) — он задумал перевести все книги Библии, от Бытия до Откровения Иоанна Богослова, с латыни, греческого, иврита и арамейского на английский для рядового читателя. Говорят, что однажды Тиндейл сказал священнику, критиковавшему его труд, — священнику, который читал Библию только на латыни: «Я послужу тому, чтобы крестьянский мальчик знал Писание много лучше тебя». И он задействовал информационные технологии своего времени — тогдашние YouTube, веб-сайты и Twitter, связываясь с книгопечатниками, поставщиками бумаги, иллюстраторами, судовыми капитанами и кучерами по всей Европе, чтобы донести до людей знание и книгу, в которой оно содержалось¹¹.

Эта задача не была простой. Власти предрежащие времен Тиндейла, папа Климент VII и король Англии Генрих VIII, постановили: Библия может существовать и ее дозволено читать и распространять только в «собрании латинских пере-

водов» Святого Иеронима, сделанных примерно в 400 г. Наказание за нарушение этого закона было одним из самых суровых, какие только можно представить, ибо виновник посягал на целый спектр общественных отношений и считался еретиком. Выступив против Церкви и короля — тем лишь, что пытался перевести Библию на английский и распространить свой перевод, Тиндейл бросил вызов «величайшим силам Западного мира». В тот момент, когда он «в Вормсе переводил и печатал свой Новый Завет, — сообщает нам его биограф, — в Норвиче молодого человека сожгли заживо за то лишь преступление, что он владел клочком бумаги с “Отче наш” на английском»¹². К тому же текст, который переводил Тиндейл, не был произведением одного автора. Библия, как пишет один из ее современных переводчиков, «создана многими людьми, выражает разные точки зрения и отражает литературную деятельность нескольких столетий», и на раннем этапе собирание разрозненных текстов Библии в один было «процессом, подобным созданию коллажа». «Существуют и другие произведения искусства, что формировались веками, например соборы средневековой Европы», — напоминает нам этот же переводчик, но переложение Библии на английский предполагало «сложный монтаж», вроде того, что происходит при создании «некоторых величайших голливудских фильмов»¹³.

Тиндейл знал семь языков, в том числе латынь, греческий, иврит и арамейский, и все свои знания направил на то, чтобы осуществить одну задачу — перевести Библию на английский. Он был набожным христианином. «Убеждения Тиндейла и его благочестивая жизнь были исполнены такой силы, — рассказывает нам биограф, — что за время его заключения [в котором он провел 20 месяцев до смертной казни] тюремщик, дочь тюремщика и несколько других членов семьи стали

разделять его взгляды»¹⁴. Но, несмотря на всю набожность и все надежды, Тиндейла ждал страшный конец: его «задушили», как гласит посвященная ему статья «Википедии», «а затем сожгли как еретика»¹⁵. Таков оказался его удел: сначала король и Церковь десятилетиями преследовали его по всей Европе, полные решимости уничтожить (виной тому, что Тиндейла схватили, стало отвратительное, почти библейское предательство), а потом без малого два года он провел в холодной сырой темнице в Бельгии, неподалеку от Антверпена, почти все время в одиночном заключении. Бедный ученый-эрудит, который, как теперь известно, сделал для английского языка не меньше, чем Уильям Шекспир, одинокий человек, затравленный королем, Церковью и императором Священной Римской империи! Палач не сумел довести удушение до конца, поэтому, когда Тиндейла привязали к столбу, разожгли костер и огонь лизнул ему ноги, он пришел в себя и, заживо горящий, перед лицом представителей духовенства и семнадцати так называемых судей, которые столь единодушно послали его на смерть и собрались посмотреть на казнь, воскликнул, обращаясь скорее не к собравшимся, а к Всевышнему: «Господи! Открой глаза королю Англии!»¹⁶

Печальна судьба тех, кто распространяет знания.

В начале XVI века — во времена Генриха VIII, папы Льва X и папы Климента VII — в подобной жестокости не было ничего необычного. Самый ярый преследователь Тиндейла, сэр Томас Мор, сам встретил похожий конец. Разгневавшийся на него Генрих VIII сначала хотел, чтобы Мора повесили, после чего в полумертвом состоянии сняли бы с виселицы, кастрировали, выпустили ему кишки и заставили смотреть, как они горят, и только потом обезглавили бы и сожгли целиком. Но, послушав советников, король смягчился и ограничился простым отрубанием головы:

6 июля 1535 года, одетый в грубое серое рубище своего слуги... и держа в руках красный крест, сэр Томас Мор проделал недолгий путь на холм рядом с Тауэром. <...> Слишком слабый, чтобы подняться на эшафот, Мор попросил помочь ему... Он прочитал молитву «Помилуй меня, Господи» и обратился к толпе с коротким заявлением. Последние слова Мора были адресованы палачу: «Соберись с духом, человече, и делай свое дело. Шея у меня короткая, целясь получше и не бей косо, ради сохранения своей чести». Затем Мор лег, убрав длинную седую бороду из-под топора, «чтобы её не перерубили». «Так, с шуткой, — писал один потрясенный очевидец, — он и окончил свою жизнь». Голову повешенного, по обычаю, надели на кол ограды Лондонского моста. Через месяц дочь Мора, Маргарет, уговорила палача отдать ей голову отца и захоронила ее в склепе...¹⁷

Можете себе представить, чтобы какого-нибудь современного главу новостного канала — да и любого канала, но возьмем, к примеру, Руперта Мёрдока, Билла Шайна или Джека Абернети с Fox News — точно так же повесили, четвертовали или подвергли аутодафе? Смогли бы они вынести то же, что и Тиндейл? На что они готовы (или были готовы, как покажет история), помимо сиюминутного, чтобы сделать мир лучше с помощью своей власти, своего оружия, доступных им инструментов? Или же обратимся к Иоганну Гутенбергу и первым книгопечатникам — взойшли бы они на костер во имя знания?¹⁸ А Гульельмо Маркони и другие изобретатели радио? Фило Фарнсуорт? Тим Бёрнерс-Ли?

В наши дни появилось движение — иначе не назовешь, — бьющееся за освобождение знания. Его успех нельзя назвать ни всемирным, ни надежным: некоторые страны блокируют

его развитие, некоторые силы и личности пытаются сдержать его, а то и вовсе задушить. Но оно подпитывается миллиардами источников, и эти источники — люди, экраны, динамики, газетные страницы и весь современный интернет. И хотя в прошлом уже были целенаправленные, грандиозные попытки сделать так, чтобы знание пустило корни повсюду: Библия Тиндейла; первая энциклопедия, созданная в эпоху Просвещения; советский революционный эксперимент, во времена которого даже существовала такая должность, как народный комиссар просвещения; а также более близкие нам эксперименты с общественными СМИ, — теперь есть шанс исполнить мечту, лежавшую в основе всех тех великих начинаний, закрепить и преумножить достижения многовекового труда.

Получается, что это книга надежды — и огня. Сейчас, когда она пишется, вокруг, как и при Тиндейле, Вселенная монстров, ее современная версия. Каждому веку присуще свое зло, и история учит нас тому, как важно не упускать его из виду, чтобы одолеть. Во Вселенной монстров Тиндейла был Томас Мор. Сейчас он больше всего известен благодаря произведению «Утопия» 1516 г., а также лестному образу смелого и верного своим идеалам католика, каким рисуют его пьеса и фильм «Человек на все времена». Но Мор был настоящим чудовищем и как главный идеолог Генриха VIII практически единолично руководил поимкой Тиндейла. Он написал почти миллион слов — две тысячи «злостных страниц», по выражению биографа Тиндейла, — истекая ядом и желчью, обрушивая на своих оппонентов ливень нечистот¹⁹. Мартина Лютера — другого еретика, с его точки зрения, — он обвинял в том, что тот добивался права «измазать королевскую корону дерьмом»²⁰ (и это было обыденное обвинение в его устах). «Ты поцеловал в зад Лютера, испражняющегося дьявола, — писал он в одном из своих типичных писем Тиндейлу. — Я пытался вытереть

твой грязный рот, и смотри: у меня все пальцы в дерьме!»²¹ Так в XVI веке выражались, защищая собственные представления об устройстве мироздания и о духовных скрепах (не сильно все это отличается от того, что можно увидеть сегодня в интернете).

Тиндейлу приходилось трудиться среди людей, которые постоянно изобретали новые «акты очищения», или, как выразился другой ученый, новые «зрелищные наказания», — церемониальной казни подвергались не только еретики и преступники, но и распространяемые ими тексты. Сжигание книг, вырывание страниц (своего рода выпускание кишок), заключение «в темницу» — все это обыденность для Вселенной монстров XVI века. Одного автора того времени приговорили к отрубанию ушей, а его книги у него на глазах должен был сжечь палач. Приговор привели в исполнение, и закованный в колодки Принн смотрел, как пылают его труды. По словам очевидца, он едва не задохнулся от дыма — неудивительно, учитывая, что в каждом томе было более тысячи страниц²².

И правда, неудивительно.

* * *

Наше время, когда Аароны Шварцы кончают жизнь самоубийством, Джулианов Ассанжей сажают в тюрьму, а Эдварды Сноудены вынуждены отправляться в изгнание, во многом схоже с той эпохой. Снова недалек тот миг, когда нам придется задуматься, как уменьшить вред, который мы наносим миру своей политикой, давлением на СМИ; вред, который мы наносим — или позволяем наносить, давая политическим лидерам такую свободу действий. Он разрушителен, и в то же время его трудно разглядеть — как черную молнию. Сегодня самые могущественные организации мира снова пытаются подавить

свободу мысли, экспертные знания, желая помешать нам вырасти в открытое гражданское общество. Правительство демонов, сформированное в Белом доме Дональда Трампа, с исторической точки зрения экстраординарно — столько среди его членов как настоящих преступников, так и просто жуликов, номинально назначенных руководить теми или иными сферами жизни: образованием, трудом, «внутренними делами», здравоохранением и социальными службами; при этом на деле каждый стремится дерегулировать и монетизировать свою вотчину, чтобы не противоречить денежным интересам, которые на протяжении последних десятилетий планомерно и хитроумно вели наше общество к тому, к чему мы пришли.

* * *

Арестованный в 1536 г. Тиндейл провел в темнице 450 дней. В первые недели его заточение «прерывали долгие визиты прокурора и нотариуса» — оба поспособствовали составлению обвинения, — а на протяжении всех следующих недель он подвергался допросу, бывшему одновременно и судом, в котором участвовало множество теологов, инквизиторов, университетских ректоров и профессоров, юристов и тайных советников — «охотников на еретиков», как называет их его биограф. После признания Тиндейла виновным над ним учинили процедуру, призванную послужить формальным разжалованием: в облачении священника его вывели на высокий помост на всеобщее обозрение, где символически соскребли миро с его ладоней, потом поставили рядом с ним хлеб и вино для причастия и тут же убрали, после чего «церемониально» сняли с него одеяние, чтобы все увидели и сам он понял, что он больше не священник²³. Затем последовала

казнь. На самом деле неизвестно, прокричал он свое обращение до или после удушения (и действительно ли его не смогли задушить как следует), но те слова — предостерегающие, пророческие и, что самое важное, самоотверженные — стали для него последними.

Когда речь идет о жажде получить доступ к знанию, *нашему* знанию, не обязательно искать пример в таком отдаленном прошлом, как времена Уильяма Тиндейла. Можно поговорить о жизни настоящего мученика нашей эпохи. Почти все вопросы, поднимаемые в этой книге, касаются истории человека, который был чем-то вроде современного перевоплощения Тиндейла, ближайшим его собратом: как и Тиндейла, его преследовали, арестовали, лишили свободы. Затравили буквально до смерти.

Аарон Шварц, программист, хакер и активист, — гений, великий начинатель, исполненный надежд молодой человек, незаконно скачал научные публикации Массачусетского технологического института. Полиция задержала Шварца в подсобке института, где он подключился к его системе со своего ноутбука, и в 2013 г., в возрасте 26 лет, находясь под следствием, Шварц лишил себя жизни — повесился²⁴. Его самоубийство, совершенное под давлением государства и научных кругов, всколыхнуло мировую общественность. Его смерть и официальное преследование со стороны правительства, приведшее к ней, побудили ученых и активистов еще настойчивее поднять вопрос о реформе системы публикаций и книгоиздания — реформе самой исследовательской деятельности как таковой. И спустя пять лет прозорливый Крис Бург, директор библиотеки Массачусетского технологического института, спросил всех нас: «Как могли мы создать мир, в котором все неповиновение Аарона Шварца сводилось к тому, что он был... исследователем?»²⁵

Шварц скачал огромное количество академических статей — то ли 4 миллиона, то ли 4,8, но, так или иначе, счет шел на миллионы, — чтобы выложить их в свободном доступе и чтобы любой человек мог бы прочитывать их где и когда угодно. Его жертвой и источником стала JSTOR — «цифровая библиотека для ученых, исследователей и студентов»; на момент написания этих строк там собрано около 12 миллионов статей и книг по 75 дисциплинам.

Травля, которой подвергся Шварц, была неслыханной. В интернете выложены 14 500 страниц дела, заведенного на него Секретной службой США²⁶. Изначально предъявленное ему обвинение звучало так:

В период с 24 сентября 2010 г. по 6 января 2011 г. Шварц предпринял ряд действий:

- a. проник в серверное помещение Массачусетского технологического института;
- b. подключился к институтской сети без авторизации через коммутатор в подсобке;
- c. через сеть института получил доступ к цифровому архиву статей JSTOR;
- d. воспользовался полученным доступом, чтобы скачать значительную часть архива JSTOR на свои компьютеры и жесткие диски;
- e. не подчинился мерам Массачусетского технологического института и JSTOR, направленным как против копирования файлов любыми пользователями, так и против незаконного поведения Шварца в частности;
- f. попытался скрыться — все это с целью распространить значительную часть архива JSTOR через какой-либо файлообменный сайт²⁷.

Среди законодательных статей, в нарушении которых его обвинили, были: статья 1343 раздела 18 Кодекса США (мошенничество с использованием электронных средств связи), статья 1030 (a)(4), (b) раздела 18 Кодекса США (мошенничество с использованием компьютера), статья 1030 (a)(2), (b), (c)(2)(B)(iii) раздела 18 Кодекса США (незаконное получение информации с защищенного компьютера), статья 1030 (a)(5) (B), (c)(4)(A)(i)(I), (VI) раздела 18 Кодекса США (неумышленное нанесение вреда защищенному компьютеру), статья 2 раздела 18 Кодекса США (пособничество и подстрекательство), а также статья 981 (a)(2)(B), статья 2461 (c), статья 982 (a)(2) (B) и статья 1030 (i) раздела 18 Кодекса США (конфискация в уголовном порядке)²⁸.

Шварц верил, что знание нужно выпускать на свободу, когда и где бы ни представился шанс, и пытался обратить в свою веру других. «Информация — власть», — любил говорить он. В июле 2008 г. он написал трактат «Партизанский манифест об открытом доступе», в котором напомнил читателям:

Но, как и в случае со всякой властью, найдутся те, кто хочет обладать ею безраздельно... Те, у кого есть доступ к этим ресурсам: ученые, студенты, библиотекари, — вам дана привилегия. Вас допустили к пиршеству знания, тогда как для остального мира дверь закрыта. Но вы не обязаны — а точнее, у вас нет морального права — пользоваться такой привилегией единолично. Ваш долг — поделиться ею с миром²⁹.

После самоубийства Шварца представители Массачусетского технологического института заявили, что «вопрос о том, что он собирался делать с информацией, которую скачал с сайта JSTOR, остается открытым». Они также сказали, что

«правоохранительные органы увидели в первом предложении [одного из абзацев “Партизанского манифеста об открытом доступе”] — “Мы должны брать информацию, где бы она ни хранилась, делать копии и делиться ими с миром” — мотив, побудивший его совершить массовое скачивание — 4,8 миллиона статей, или 80% от базы JSTOR»³⁰.

По-видимому, так.

Во многих отношениях Уильям Тиндейл и Аарон Шварц просто пытались ускорить ход событий, приблизить торжество вечных истин, открывшихся им, но открывшихся слишком рано. Они просто пытались ускорить наступление свободы, которая однажды будет казаться нам столь же естественной, как сегодня кажутся 13-я, 14-я и 15-я поправки* к Конституции США.

Что же до Шварца — Вселенная монстров забрала и его жизнь.

* Поправки № 13 — отмена рабства, № 14 гарантирует равенство граждан США, № 15 ввела активное избирательное право для цветного населения и бывших рабов. — *Прим. ред.*